

С Л О В О

ПРОИЗНЕСЕННОЕ ВО ВРЕМЯ ЛИТУРГИИ ПРЕДЪ ПО-
ГРЕБЕНІЕМЪ СВЯЩЕННИКА СУМЕОНА СТАНКОВ-
СКАГО,

*Подвигомъ добрымъ подви-
заяся. (2 Тим. 4, 7).*

Такъ сказалъ о себѣ св. Апостоль Павель, болѣе всѣхъ
потрудившійся къ проповѣданію Слова Божія! Такъ точно, не

обинуясь, могъ сказать о себѣ и почившій служитель Божій, болѣе многихъ потрудившійся въ служеніи Богу, на пользу обществу и семейству. Такъ же точно могутъ сказать о почившемъ и всеѣ, знавшіе его, а особенно родные, которые постоянно видѣли его въ трудахъ, болѣзняхъ и терпѣніи. Долго, почти всю 50 лѣтнюю жизнь, если не считать лѣтъ дѣтства, трудился покойный!

Такими долгими, постоянными и усиленными трудами онъ, по справедливости, заслужилъ себѣ славу примѣрнаго трудолюбца, неустаннаго труженника и честнаго служителя долгу.

Покойный былъ сынъ бѣднаго сельскаго дьячка. Еще въ раннихъ, почти дѣтскихъ лѣтахъ, онъ лишился отца, а въ немъ потерялъ единственную, хотя и слабую, опору въ жизни для воспитанія и образованія своего. Съ этихъ поръ уже начинается труженническая жизнь сироты, жизнь бѣдная, жизнь скорбная, жизнь голодная, жизнь безпріютная, жизнь безотрадная. Послѣ отца, у покойнаго, правда, осталась мать, но что могла дать своему сыну безпомощная вдова сельскаго дьячка, сама нуждавшаяся въ помощи, сама полагавшая жизненную надежду на единственнаго сына своего? Былъ у него, говорилъ покойный, богатый и знатный по положенію дядя, но богатство и знатность дяди служили для племянника въ облегченіи нищеты и утѣщеніемъ въ сиротствѣ, а только составляли его всегда и постоянно помнить низкое происхожденіе и униженное положеніе въ средѣ общества. «Помни, говорилъ ему дядя, что ты—сынъ дьячка и долженъ стоять въ передней!»

Бѣдственное положеніе матери, гордое отношеніе дяди, горькое положеніе свое собственное рано научили сироту понимать, что нищета—его наслѣдство, безпріютность—его удѣлъ, безропотная покорность судьбѣ и людямъ—его назначеніе, терпѣніе—все его утѣшеніе! И вотъ начинается усиленная, многотрудная работа для проложенія пути къ жизни общест-

венной, самостоятельной, независимой; начинается борьба съ нищетою для завоеванія себѣ правъ на обладаніе дарами жизни. Десять лѣтъ продолжалась работа, велась борьба. (Разумѣется время научнаго образованія.) Наконецъ путь проложенъ, права завоеваны и дверь въ жизнь отворена. Вступаетъ покойный въ жизнь общественную, въ жизнь семейную. Что же эта жизнь? Вознаградила ли она юнаго труженника за понесенные имъ труды? наградила ли она его по заслуженнымъ имъ правамъ? Да, жизнь не осталась въ долгу у своего дѣтища: еще при самомъ вступленіи въ жизнь, она, въ лицѣ суроваго старца, подарила ему крестъ. Это былъ сонъ; но дѣйствительность въ точности соответствовала ему; она показала, что крестъ, подаренный во снѣ, былъ символомъ тѣхъ скорбей, болѣзней и трудовъ, которыми была преисполнена жизнь покойнаго. Она доказала, что крестъ, полученный во снѣ, былъ вѣстникомъ того жизненнаго креста, на которомъ покойный почти всю жизнь распинался за благо общества, которому служилъ, за счастье семейства, которое имѣлъ! Но страшился ли когда покойный выпавшаго на его долю креста? Нѣтъ, онъ съ полною готовностію пошелъ и шелъ на лежащій ему подвигъ и, вооружившись силою терпѣнія, безропотно переносилъ всѣ скорби и болѣзни, никогда не предавался беззаботности и отчаянію, и всю жизнь работалъ, не покладая рукъ, работалъ безъ отдыха. Подобно одному знаменитому Іерарху нашей церкви,¹⁾ онъ только тогда былъ покоенъ, когда работалъ, отдыхалъ на разнообразіи занятій и это—даже во время болѣзни. Да, и самая болѣзнь, которую онъ носилъ въ груди своей, едва не со вступленія въ общественную жизнь, не могла ослабить его любви къ труду и остановить его дѣятельности. И лежа на болѣзненномъ одрѣ, онъ работалъ, если не руками, то головою и устами.

¹⁾ Филар., Митроп. Моск.

Многосложны и разнообразны были труды покойнаго. Они относились и къ церкви, и къ обществу, и къ семейству. И вездѣ, и всегда, всёму и каждому онъ готовъ былъ жертвовать собою. Какъ священно-служитель, онъ неопустительно, во всякое время и во всякомъ состояніи, не исключая болѣзненнаго, лишь бы только могъ быть на ногахъ, совершалъ службу Божію въ церкви. Какъ служитель обществу, онъ точно такъ же, безпрекословно, исполнялъ просьбу каждого и удовлетворялъ его религіозной потребности. „Мнѣ больно бываетъ, говорилъ покойный, когда я почему либо вынуждаюсь отказать прихожанину въ требѣ.“! Какъ семейный человѣкъ, покойный можетъ служить примѣромъ для каждаго семьянина — отца. Не стѣняясь, должно сказать, что такихъ заботливыхъ отцовъ о своемъ семействѣ не всегда и вездѣ можно найти. Стараясь устроить и обезпечить своихъ дѣтей, онъ, можно сказать, каждый день распиналъ себя и не жалѣлъ времени, ни силъ, ни средствъ, лишь бы видѣть счастье своихъ птенцевъ. Мысль о судьбѣ дѣтей не оставляла его и на одрѣ предсмертной болѣзни, и легла съ нимъ, или лучше сказать, уложила его съ собою во гробѣ.

Вотъ свѣтлый образъ покойнаго! Вотъ примѣръ, достойный подражанія!

Но и на этотъ свѣтлый образъ неумолимая смерть накинула свой мрачный покровъ! И этотъ, достойный нашего соревнованія, примѣръ, скоро скроется съ нашихъ глазъ! И этотъ свѣтильникъ, долго бы еще долженствовалъ свѣтить свѣтомъ надежды и утѣшенія для близкихъ ему, погашенъ дыханіемъ смерти!.. Да, есть еще кому надѣяться на него! Есть еще кому ожидать отъ него утѣшенія! Восемь юныхъ птенцовъ, изъ которыхъ половина не могутъ еще отличать правой руки отъ лѣвой, остались послѣ покойнаго! Ахъ, какою лютою скорбію раздиралось его отеческое сердце при представленіи судьбы этихъ птенцовъ, послѣ его смерти! Какими горь-

ими слезами наполнялись его глаза, при взглядѣ предъ смертію на этихъ птенцовъ!

Но съ скорбію о семьѣ, его, какъ христіанина, и особенно какъ священника, преслѣдовала мысль и о своей собственной загробной участи. Какъ человекъ, и онъ былъ не безпечень предъ правосудіемъ Божиимъ и потому-о, при исповѣди духовному отцу своему, онъ сказалъ: «боюсь правосудія Божія!—» Но правосудіе, сказано ему въ утѣшеніе, соединено съ безконечнымъ милосердіемъ Божиимъ!

Христіане! На насъ лежитъ святой долгъ, во имя христіанской любви, облегчить загробное состояніе покойнаго! Наша священная обязанность раздѣлить его заботу о сиротствующемъ семействѣ!

Въ чемъ же можетъ выразиться съ нашей стороны облегченіе участи усопшаго? Какъ можемъ мы раздѣлить его заботу о семействѣ?

Во власти христіанина два могущественныя средства къ тому: молитва и любовь. И то, и другое заповѣданы христіанину для устроения судьбы и собственной—личной, и ближняго его, и не настоящей только земной, но и будущей—небесной. Просите и дастся вамъ, сказалъ Спаситель (Матѣ. 7, 7). Всё, чего вы попросите въ молитвѣ съ вѣрою, дастся вамъ (Мѣ. 21, 22), обѣщаль Онъ же. Молитва, по словамъ Златоустаго Учителя, проходитъ облака, идетъ мимо Херувимовъ и Серафимовъ, и восходитъ прямо къ престолу Божию. Можно ли послѣ сего сомнѣваться, что молитвы наши, изъ чьихъ бы усть онъ ни исходили, несомнѣнно облегчатъ скорбное состояніе усопшаго и благоустраиваютъ его загробную участь? Въ этомъ глубокомъ сознаніи благотворности молитвы, и самъ усопшій проситъ насъ: непрестанно молитесь о мнѣ Христу Богу! Помолимся же, христіане, и будемъ молиться объ усопшемъ, чтобы Господь сподобилъ его царствія небеснаго и со святыми упокоенія.

Но покойный вѣрилъ и въ любовь ближнихъ, вѣрилъ и

надѣялся на нее; потому что во 1-хъ, самъ любилъ ближнихъ, а во 2-хъ самъ при жизни пользовался любовью ближнихъ. Эта вѣра и надежда на любовь составляли отраду въ предсмертномъ состояніи умирающаго. «Богъ и добрые люди будутъ покровителями моихъ сиротъ!» утѣпалъ себя покойный. Вотъ надежда умирающаго! Не посрамямъ же, христіане, этой надежды! Возлюбимъ сиротъ покойнаго такъ же, какъ мы любили отца ихъ! Любовь наша да послужитъ сиротамъ утѣшеніемъ въ сиротствѣ, облегченіемъ скорбей, устраненіемъ нищеты, восполненіемъ недостатковъ! Не будемъ любить, по выраженію Апостола, только словомъ и языкомъ, т. е. притворно и бесплодно; но дѣломъ и истиною. (Іоан. 3. 18.).

По такой только любви познается истинный человекъ и истинный христіанинъ. Аминь.

Священникъ Александръ Понятовскій.

Къ вопросу о церковно-приходскихъ школахъ.

„Священнослужитель, — вотъ по преимуществу призванный народный учитель и вездѣ, гдѣ государство не находится въ борьбѣ съ церковью, стараются народную школу удерживать столь можно въ тѣснѣйшей связи съ религіозными учрежденіями.

«Но что хорошо въ идеѣ, то можетъ оказаться неудобнымъ на практикѣ. Если поручимъ народную школу священнику, то не затруднимъ ли его дѣломъ которому онъ не можетъ должнымъ образомъ посвятить себя, и не пострадаетъ ли отъ этого дѣло школьнаго обученія? Въ самомъ дѣлѣ, можетъ ли процвѣтать школа находясь въ завѣдываніи лица для котораго она будетъ лишь случайнымъ, какъ бы мимоходнымъ занятіемъ? На священникѣ лежатъ обязанности не всегда совмѣстныя съ регулярными учебными занятіями. Но почему же непременно только на священника возлагать